

4	ВВЕДЕНИЕ
8	ПЕРВЫЙ ГЕРОЙ
32	ВТОРОЙ ГЕРОЙ
60	ТРЕТИЙ ГЕРОЙ
86	ЧЕТВЁРТЫЙ ГЕРОЙ
110	ПЯТЫЙ ГЕРОЙ
136	ШЕСТОЙ ГЕРОЙ
162	СЕДЬМОЙ ГЕРОЙ
186	ВОСЬМОЙ ГЕРОЙ
210	ДЕВЯТЫЙ ГЕРОЙ
236	ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ
262	БЛАГОДАРНОСТИ
265	ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

Содержание

Введение

У книги, которую вы держите в руках, замысловатая история, достойная, пожалуй, отдельной книги. Возможно, вы с этой историей знакомы и именно поэтому ждали выхода книги. Если нет — тем лучше, вас ждёт нечто абсолютно новое. Итак, история.

В 2015 году я узнала, что такое «зримое слово». Этот театральный жанр предполагает чтение актёром текста такой эмоциональной силы, что не нужны ни декорации, ни статисты: действие разворачивается в голове у зрителя. Таким образом, если обычно несколько актёров на сцене играют один спектакль, здесь один актёр рождает множество спектаклей — по количеству зрителей в зале. На «зримом слове» построен спектакль «Закрой глаза и смотри» театра «Арлекиниада», там я и познакомилась с жанром. Это спектакль-сериал: покупая билет, зритель не знает, какие исторические или мифологические персонажи выйдут на сцену сегодня.

А надо сказать, что я с детства люблю читать и рассказывать истории. Для меня мир соткан из этих историй, и вне их контекста мне сложно воспринимать и картины, и людей. «Зримое слово» не столько рассказывает историю, сколько создаёт эмоциональную связь с персонажем, о котором вы, может быть, ещё полчаса

назад ничего не знали. А там, где есть эмоция, заложен прочнейший фундамент для информации. Ведь именно в отсутствии эмоционального фундамента кроется беда скучных книг и лекций: они нагружают мозг информацией, которая быстро улетучивается. Так рушатся дома, построенные на песке без какого-либо фундамента.

В «зримом слове» я нашла недостающий компонент: если предварять лекцию театрализованным знакомством с художником — героем лекции, гости запомнят намного больше, чем прослушав сухую историю.

Вместе с одним из актёров «Арлекиниады» мы начали вести «Живые Лекции» (так назвал этот жанр гость одной из первых лекций): основываясь на дневниках, письмах, картинах и собственном восприятии, я представляла себе, что хотели бы поведать сегодняшним нам, а о чём предпочли бы умолчать Гойя, Дали или Климт, и писала тексты в жанре «зримого слова». Актёр читал эти тексты, стоя у микрофона в луче прожектора, а зрители отгадывали, кто перед ними; после аплодисментов и игры в «угадайку» я знакомила гостей с жизнью и творчеством героя очередной лекции.

Гипотеза оказалась верной: даже спустя год после лекции люди радовались тому, как много они помнят, и присылали мне открытки из музеев. Эмоциональный фундамент прочно держал здание, построенное из историй.

Как выяснилось позже, мы не учли одного важного фактора: образ жизни и градус накала, связанные с этой работой и этим человеком, оказались невыносимыми для моей психики. Я провела несколько месяцев в психиатрической клинике, год на медикаментах и психотерапии и сделала из этого опыта два важных вывода: во-первых, я больше не работаю с актёрами и близкими мне людьми; во-вторых, попытки заниматься чем-то, что не при-

носит мне радости и ощущения полноты жизни, приводит к рецидиву и ещё месяцу в клинике.

Поэтому последние полтора года я читаю лекции об искусстве и веду блог на «Яндекс.Дзене». Как оказалось, театр — бонус интересный, но необязательный: на моих лекциях люди получают не только истории, но и переполняющие их эмоции и всё так же год спустя радуются тому, как много они до сих пор помнят, и привозят мне из музеев книги.

Постепенно я закрыла все окна в травматичное прошлое, осталось только одно — тексты в жанре «зримого слова». Они грустно лежали в «облаке» и время от времени попадались на глаза, робко напоминая о себе: неужели ты нас забыла? Я не забыла. Мой любимый друг и учитель Пауль Клее писал о картинах: «Я не успеваю за своими детьми, они рвутся на свободу». Тексты тоже рвались на свободу, да так усиленно, что воплотились в книгу, которую вы держите в руках. Эту книгу нельзя в полном смысле назвать нон-фикшеном. Если вы любите художественную литературу и театр, а нехудожественной литературы опасаетесь (ведь сколько раз засыпали на третьей странице!), эта книга вас порадует. Она построена почти так же, как «живая лекция».

Для начала вы можете выбрать любого из десяти героев, навигатор в конце каждой главы приведёт вас к кому-то ещё. У героя нет имени, только номер. Он сам расскажет вам о себе, и к концу его монолога вы, может быть, догадаетесь, кто он. А возможно, чудо узнавания случится с первых строк, и тогда вы будете слушать рассказ не таинственного живописца, а старого друга. Если вам покажется, что его история далека от правды, загляните в источники: каждый текст имеет свою документальную основу. Захочется подробностей — пройдите по QR-кодам: они ведут к дополнительным статьям на «Яндекс.Дзене».

После знакомства, когда маска сброшена, следует относительно личная для меня история о художнике: с каждым из них меня что-то связывает, каждый из них — друг, возлюбленный, учитель, опора и поддержка, каждый жив и реален не меньше, чем мои облечённые в плоть друзья.

Затем следуют рассказы о двух картинах героя главы. В книге, как и на лекциях, я стремлюсь познакомить вас с не самыми затасканными и примелькавшимися работами; вы не найдёте здесь «Подсолнухов» Ван Гога, «Крика» Мунка или «Поцелуя» Климта. Вы наверняка в той или иной степени знакомы с героями этой книги, и моя цель — не провести вас в очередной раз по знакомым тегам, а расширить и углубить ваши представления о художниках.

Наконец, завершает главу ответ на вопрос «Как стать ближе?». Не знаю, как для вас, а для меня этот вопрос особенно актуален. Возможно ли соприкоснуться с душой художника, чьи картины поднимают ураган в груди? Оживить и очеловечить забронзовевшего гения? Прорастить, продлить прочитанное в собственной жизни, а не оставлять на страницах книги?

В моей семье есть хорошее правило: книги, которые читаешь, фильмы, которые смотришь, — всё надо связывать со своим личным здесь и сейчас. Я стремлюсь к тому же в этой книге и именно этому правилу посвящаю ответы на заданный вопрос «Как стать ближе?».

Приятного вам путешествия!

Ваша Зарина Асфарн,

МОСКВА, 26 АВГУСТА 2019 ГОДА

Steps

С
орви
еppoи

Здравствуйте, доктор! Ну и удивили вы меня, назначив встречу в поезде! Понимаю, понимаю, что у вас плотный график. Как вы и просили, я принёс свежие наброски^{cf}. Вот, взгляните. Лаура бесстыдно позирует, демонстрирует упругие бёдра и змеиную линию талии. О, а вот Магда. Она свернулась кренделёчком и спит, её сорочка задралась до груди и будто нарочно зовёт меня бросить работу и впиться в её естество губами. А это Лея. Как видите, она молится. Чулки сползли до колен. Она ещё не успела одеться после того, как мы с ней... А здесь у нас Амелия. Вы бы видели эту чертовку! Она дразнит меня, проскальзывает в своё лоно пальчиками и будто бы не обращает на меня никакого внимания... Когда я войду в неё, она будет уже дурманяще влажной. Понимаете? Она якобы делает приятно себе и не думает ни о чём другом, но на самом деле это всё для меня, это всё с мыслью обо мне, о том, что спустя мгновенье я буду уже в...

Кхм, простите. Я увлёкся. Мы создаём красоту в уродливое время, доктор. Мы пробуждаем эту красоту. Обнажаем её. Ну да кому я рассказываю! Вы лучше меня знаете, что венское общество насквозь двулично и фальшиво. Все поголовно изменяют жёнам, но тайком. Женщины играют роль благовоспитанных куколок. Сыграть на фортепиано? — Пожалуйста! Прочитать стихи? — Всегда готова! Секс? — Ой, даже слова такого не знаю! Чувственность предназначается только для мужа, только тогда, когда он этого хочет, так, как он этого хочет...

Мы с вами открыли ящик Пандоры, доктор. Вы пишете о женской чувственности, исследуете её, возвращаете её женщинам как их законную собственность. Её давным-давно украли и присвоили мужчины — мужчинам, стало быть, и возвращать.

А я? — Я проявляю эту чувственность. Напоминаю своей сегодняшней возлюбленной о её подлинной природе. Она царица, она богиня... Каждая, каждая моя девочка! И они вспоминают, да, они раскрываются, сбрасывают с себя одежду, оставляют на моих пальцах свой сладковатый запах и смотрят мне прямо в глаза. Полуоткрытые губы, звериное бесстыдство, тонкие запястья в изящном изломе. Не важно, сколько им лет. Не важно, есть ли обручальное кольцо на пальце. Я ведь совсем не хочу надругаться над их доверчивостью. Я хочу подарить им их же телесность. Показать им, насколько они прекрасны... Как желанны... Как свободны любить, хотеть, быть самими собой, в конце концов!

Именно поэтому я пишу их обнажёнными. Даже для парадных портретов. Я потом их одеваю красками, сочиняю для них платье, закрываю их от хищных мужских взглядов так, что видны только руки и лицо. Но даже под этими золотыми орнаментами, под любым слоем краски чувствуется живое, обнажённое, совершенное женское тело.

Они все его видят, доктор. Их это возмущает! Ведь с такой женщиной надо договариваться! У неё, чёрт возьми, есть мнение! Она может быть выше вас. Она может доминировать. Она может смотреть на вас чувственно, но холодно. Она может сочиться желанием, но не к вам. Она вообще может отказаться от корсетов, надеть свободное платье, под которым отчётливо угадываются напряжённые соски, — и всё это очень даже может быть не для вас, а потому, что ей так хочется, ей так удобно!

Что тут у вас? А, этот набросок... Не знаю, как он вообще сюда затесался. Ему уже больше года. Это моя прелюдия к «Влюблённости»... Да, вы правы, это я, а в моих объятиях — нежная Эми-

Именно поэтому
я пишу их
обнажёнными.

Даже для парадных
портретов. Я потом
их одеваю красками,
согнваю для них
платья, закрываю их
от хищных мужских
взглядов так, что
видны только руки
и лицо.

лия. Она обычно предпочитает доминировать, но когда мы остаёмся наедине, она наконец позволяет себе расслабиться и нежно прильнуть ко мне, забывая обо всём, что осталось за пределами сплетения тел и рук.

Я писал эту картину год^д. Я долго ходил вокруг большого упругого холста. Примерялся, выискивал идеальный ракурс, подбирал подходящий эскиз. Я ласкал кистью мягкие губы Эмилии, я целовал перламутровой краской её прикрытые веки. Я покрыл её тело золотом и драгоценностями, и на её бедрах распустились цветы... А знаете, доктор, как создать эту золотую россыпь звёзд в космической глубине холста? Нужно обмакнуть плоскую жёсткую кисть в жидкое золото, поднести её к холсту — но не касаться его! — и подуть на неё. Чем мощнее поток воздуха, тем крупнее и ярче будут брызги звёзд. И обязательно нужно оставить эту... ммм... лёгкую незавершённость. Эдакое обещание продолжения, но потом, в другой раз. Мне понадобилось много лет, чтобы понять, как в искусстве важно вовремя остановиться. Буквально за пару штрихов до того, который вы бы назвали итоговым. Ну, взять хотя бы эти цветы у влюблённых под ногами! Конечно, их можно было довести до совершенства, обработать тончайшей кистью, обласкать вниманием головку каждого цветочка. Но эта незавершённость добавляет им чувственности и податливости, согласитесь!

Простите? А, на что я жалуюсь... Знаете, доктор, они меня преследуют. Мы с вами разбудили вулкан женской сексуальности, и вот я, кажется, оказался к этому не вполне готов. Если бы не моё глубокое уважение к вам, я бы вряд ли сел в этот поезд. Слишком чувственный способ передвижения, вы не находите? Этот ритмичный перестук колёс... А вход в раскрытое, манящее здание вокзала...

Хм, кажется, я опять увлёкся. Я просто люблю их всех. Я желаю их всех. Наверное, если я попробую одновременно рисовать и заниматься любовью, меня хватит инсульт от этого чувственного фейерверка. Я вижу на улицах их совершенные тела сквозь одежду, я целые дни провожу в мастерской в окружении моих полюблённых нимф, но мне мало... я хочу прижаться губами к груди каждой венской красавицы...

С кем я живу? А какое это имеет значение, доктор? С мамой и двумя сёстрами. Отец умер, когда мне было 30. Я обещал заботиться о них... О, кажется, почти приехали. Заходите на днях в моё ателье! Я выставил там новое полотно, вам оно придётся по вкусу.

До свидания, доктор! Надеюсь, скоро у нас с вами будет возможность продолжить беседу! *(Начинает уходить и возвращается, услышав оклик.)*

Что? Эдипов комплекс? Это ваше новое открытие, доктор? Полагаете, это как-то мне поможет? Хм, я с большим интересом слушаю эту вашу теорию, но в другой раз, я обещал вернуться к ужину, мама расстроится, если опоздаю!

ХРОНИКА УПОМЯНУТЫХ СОБЫТИЙ

6 МАЯ 1856 ГОДА в Фрайберге (Моравия¹) родился отец психоанализа Зигмунд Фрейд. **В 1860 ГОДУ** его семья переехала в Вену.

14 ИЮЛЯ 1862 ГОДА в Баумгартене (нынешний Пенцинг, 14-й район Вены) в семье ювелира Эрнеста Климта и Анны Финстер родился второй из семи детей, Густав Климт.

В 1892 ГОДУ, вскоре после смерти отца, скончался Эрнст, брат Густава, тоже художник. Перед смертью Эрнст попросил Густава позаботиться о его жене Хелене Флэге и дочери. Густав стал опекуном девочки и с тех пор много времени проводил с семейством Флэге на озере Аттерзе.

В 1903 ГОДУ Климт отправился в путешествие по городам Италии. В Равенне его потрясли мозаики базилики Сан-Витале (VI век), которую можно сравнить разве что с константинопольским собором святой Софии. Раннехристианские мозаики оказали сильнейшее влияние на живопись «золотого периода».

¹ Кстати, из этого же региона родом последний герой книги.

В 1904 году Эмилия, Хелена и Полин Флэге основали модный дом «Сёстры Флэге». Климт декорировал демонстрационный зал и участвовал в создании некоторых моделей. В своих «реформаторских платьях» сестры Флэге несли дух свободы и больше чем на полвека опередили хиппи. Салон быстро стал местом встречи венских модниц — тех самых, чьи портреты мужья заказывали Густаву Климту. Модный дом закрылся после аншлюса в 1938 году.

1907–1908 годы Климт посвятил созданию картины «Влюблённые», более известной как «Поцелуй». Полотно 180 × 180 см хранится в венском Бельведере.

6 февраля 1918 года Густав Климт, незадолго до этого перенесший инсульт, скончался от пневмонии. Он похоронен на Хитцингском кладбище в Вене, где с конца XVIII века хоронят самых богатых и знаменитых сынов Австрии. Прежде чем отойти в иной мир, Густав успел произнести: «Пошлите за Эмилией».

Густав Климт

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФИЛОСЕМИТИЗМ
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИСТОРИИ

Густав Климт. Около 1909 года

Когда я добавила в книгу Климта, она, ещё не имея названия и обложки, мгновенно облеклась в целлофан и обзавелась клеймом «18+». Потому что с Климтом по-другому никак. Рассказывать о нём в формате «для детей» — значит кастрировать его жизнь и искусство. Мне говорили, что книги в целлофане, которые нельзя полистать в книжном магазине, тяжелее продаются. Что ж, Густав, ради тебя я готова пойти на эту жертву.

Я пишу эту главу по горячим следам — только что закончилась лекция о женщинах в жизни Климта. Перед лекцией, насмотревшись на его порнографические наброски, о которых с таким аппетитом рассказывает наш герой воображаемому Фрейду, один молодой человек сказал: «Видимо, чего-то ему не хватало в жизни...» Так наброски же с натуры! Всего ему хватало. С избытком. Недаром ему приписывают до 40 детей, а письма свидетельствуют о том, что слухи вполне оправданны. Неслучайно я устроила эту вымышленную встречу с отцом психоанализа: Зигмунд Фрейд был старше на 8 лет, жил в том же городе, работал на той же ниве чувственности и эротомании. Доподлинно неизвестно, были ли эти двое знакомы, но они, безусловно, в каком-то смысле коллеги, и их встреча хотя бы на страницах этой книги должна была состояться. И именно в поезде. Не только потому, что в его ритмичной качке, начитавшись трудов Фрейда и насмотревшись кар-

тин Климта, находишь нечто эротическое, но и потому, что железные дороги — один из важнейших символов Австрии рубежа веков. Стремительно разрасталась железнодорожная сеть, бурно развивалась империя, богатели венские промышленники — заказчики Климта.

По свежепроложенным рельсам Австрия катилась в светлое будущее, ещё не догадываясь о том, что за очередным крутым поворотом её ждёт аншлюс. Большая часть клиентов Климта и их наследников окажется в концлагерях, а те, кому повезёт, — в эмиграции. Его «Золотая Адель»⁹⁷, портрет дочери председателя Восточных железных дорог Морица Бауэра, из апартаментов семьи Блох-Бауэр переедет в Бельведер, по пути утратив имя. На стене главной венской галереи она появится под поэтичным названием «Женщина в золотом» и обрaстет титулом австрийской Джоконды. Горькая ирония заключается в том, что волею судеб иконой австрийской красоты стал портрет чистокровной еврейки. Практически все модели Климта были представительницами этой национальности — в 1848 году началось смягчение законов, регламентирующих жизнь евреев в городе, в 1857 году император Франц-Иосиф приказал снести городскую стену, и в столицу хлынул поток людей, многие из которых вскоре составили цвет венского общества. За 20 лет население Вены удвоилось, так что для одной половины горожан аншлюс был триумфом, а для другой — смертным приговором.

Спустя 60 лет после Аншлюса Австрия решила на повторную реституцию. То, что казалось признанием ошибок прошлого, не прошло проверку на искренность и обернулось популистским жестом. Роль лакмусовой бумажки сыграла Мария Алтман — пожилая еврейка из Лос-Анджелеса, которая заявила, что в Бельведере висит портрет её тётушки. Австрия легко рас-

сталась с тремя климтовскими пейзажами из коллекции Блох-Бауэров, но «Золотую Адель» так просто не отпустила. Суды затянулись на несколько лет и вскрыли неготовность общества к реституции. Появление Марии Альтман стало двойным ударом: во-первых, жемчужину австрийского искусства хотят увезти за океан, во-вторых, австрийская Джоконда, икона арийской красоты, оказалась семитских кровей. Когда в 2006 году Мария выиграла суд, добавился третий удар: деньги, вырученные от продажи картины Новой галерее в Нью-Йорке², адвокат Марии Альтман Рэндол Шёнберг отдал на расширение Музея холокоста в Лос-Анджелесе и на правовую поддержку наследников жертв холокоста в делах о реституции. Так шедевр «золотого периода» Климта открыл дорогу домой многим картинам, украденным нацистами у людей, которые наверняка водили знакомство с королём модерна. И что, может быть, важнее — помог сохранить память о том, что с ними произошло.

² Новая галерея специализируется на немецком и австрийском модерне. Основатель галереи Рональд, сын Эсте Лаудер, заплатил за «Золотую Адель» \$135 миллионов.

ПРОЯВЛЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ

Когда художники эпохи Возрождения открыли для себя древнегреческие образцы, они обнаружили, что у Афродит и прочих Флор волосы растут только на голове. Оно и неудивительно: ведь речь идёт о бронзовых скульптурах и их мраморных римских копиях. Но с тех пор вступил в силу негласный уговор: за право живописать обнажённую натуру приходится платить игрой в божественность. Мол, мы изображаем не женщину, но богиню, добропорядочную женщину раздевать у нас нет ни малейших оснований, это в конце концов оскорбило бы христианскую мораль. Главное отличие богини от простой смертной подсказали всё те же эллины: у богини не растут «срамные волосы». Так и повелось, что в искусстве начиная с XV века господствует обнажённая женская плоть, но отсутствует сама женщина. Так продолжалось до XIX века, и даже после «Махи обнажённой» Гойи, после «Олимпии» Мане, после «Больших обнажённых» Модильяни прошло не одно десятилетие, прежде чем женское тело без античного «фотошопа» перестало шокировать публику.

Легенда гласит, что идеолог Братства прерафаэлитов Джон Рёскин, узрев в первую брачную ночь свою избранницу, был оскорблён в лучших чувствах: она совсем не похожа на Афродиту, и тело её вовсе не так гладко, как обещали художники последних столетий! Поговаривают, что Рёскин предпочёл вовсе отказаться от интимной жизни ввиду такой чудовищной несправедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru